

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

Научная статья

Социологические науки

УДК 316.776.2

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-57-74](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-57-74)

Когнитивно-ментальные интервенции как инструмент гибридных войн

Валентина Вячеславовна Комлева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация
Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, Москва, Российская Федерация
komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

Аннотация. В статье рассматривается феномен когнитивно-ментальных интервенций (КМИ) как инструмент гибридного противоборства, направленный на трансформацию сознания, идентичности и поведенческих моделей общества. КМИ трактуются как целенаправленные действия по изменению ментальных репрезентаций и когнитивных матриц личности и социальных групп через внедрение новых смыслов, фреймов и ценностных ориентиров. Особое внимание уделяется опасности этих интервенций для России, где их последствия могут проявляться в деформации исторической памяти, подрыве легитимности государства, росте социального отчуждения и идеологической дезориентации. Обоснована необходимость научного изучения КМИ как особого типа воздействия в условиях гибридных войн. Автор выделяет типологию подходов к когнитивной войне (прагматико-военный, политико-экспансионистский, цивилизационно-идеологический

и национально-патриотический). Приводятся конкретные примеры КМИ против России: переписывание истории, манипуляции в медиа, культура отмены, юмористическая мемемизация и др. Автор подчеркивает необходимость формирования государственной стратегии когнитивной безопасности, развития когнитивной устойчивости и социального иммунитета. Статья способствует восполнению научного пробела в анализе КМИ и стимулирует разработку механизмов противодействия данным угрозам.

Ключевые слова: когнитивно-ментальные интервенции, когнитивная безопасность, информационная война, когнитивная война, гибридная война, ментальные репрезентации, когнитивные матрицы, идентичность, когнитивное моделирование, культура отмены, социальный буллинг

Для цитирования: Комлева В.В. Когнитивно-ментальные интервенции как инструмент гибридных войн. Россия: общество, политика, история. 2025. №2(15). С. 57-74.

SOCIAL PROCESSES AND PHENOMENA

Original article
[https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2\(15\)-57-74](https://doi.org/10.56654/ROPI-2025-2(15)-57-74)

Sociological sciences

Cognitive-Mental Interventions As a Tool of Hybrid Warfare

Valentina V. Komleva

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”, Moscow, Russian Federation

National Research Institute for Communications Development, Moscow, Russian Federation

komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

Abstract. The article explores the phenomenon of cognitive-mental interventions (CMI) as a tool of hybrid confrontation aimed at transforming consciousness, identity, and behavioral models within society. CMI are defined as deliberate actions targeting the alteration of mental representations and cognitive matrices of individuals and social groups through the implantation of new meanings, frames, and value orientations. Particular attention is given to the threats these interventions pose to Russia, where their consequences may include the distortion of historical memory, the undermining of state legitimacy, growing social alienation, and ideological disorientation. The author substantiates the need for academic study of CMI as a distinct form of influence in the context of hybrid warfare. A typology of approaches to cognitive warfare is proposed: pragmatic-military, political-expansionist, civilizational-ideological, and national-patriotic. A significant part of research proposes specific examples of CMI used against Russia, such as historical revisionism, media manipulation, cancel culture, humorous memefication,

and others. The author emphasizes the necessity of developing a national strategy for cognitive security, strengthening cognitive resilience, and cultivating social immunity. The article aims to bridge the academic gap in the study of CMI and to stimulate the development of effective countermeasures against these threats.

Keywords: cognitive-mental interventions, cognitive security, information warfare, cognitive warfare, hybrid warfare, mental representations, cognitive matrices, identity, cognitive modeling, cancel culture, social bullying

For citation: Komleva, V.V. Cognitive-Mental Interventions As a Tool of Hybrid Warfare. Russia: Society, Politics, History. 2025. No. 2(15). pp. 57-74.

Введение

Изучение когнитивно-ментальных интервенций (далее – КМИ) представляет собой важнейшее направление как в научной, так и в прикладной области национальной безопасности. Актуальность изучения данной темы обусловлена последствиями, которые могут иметь когнитивно-ментальные интервенции. КМИ направлены на изменение восприятия реальности, разрушение национального самосознания, формирование ложных исторических и ценностных ориентиров. Это может привести к тому, что общество начинает воспринимать собственную страну как «врага», а чужие смыслы как нормы. КМИ могут вызывать массовую демотивацию, чувство вины, апатию, панику, поляризацию общества (по культурным, идеологическим, моральным, этническим, религиозным и иным признакам), что провоцирует внутренние конфликты и протестные настроения.

Проблема усиливается в условиях развития информационного общества, цифровизации, применения искусственного интеллекта, способного создавать персонализированное внушение. Современные технологии позволяют с высокой точностью влиять на поведение людей: алгоритмы соцсетей формируют «информационные пузыри», когнитивное моделирование применяется в PR. Объектами воздействия становятся все группы населения, мировоззрение которых формируется в цифровой среде (преимущественно молодежь).

Инструменты КМИ в условиях гибридных войн усиливают военную агрессию, влияя на менталитет и когнитивные матрицы населения через медиа и соцсети, образование и культуру, международные правовые дискурсы. В отношении России КМИ используются при манипуляциях с исторической памятью, целенаправленной фальсификации истории, особенно событий Второй мировой войны, революции, периода СССР. Они направлены на дискредитацию легитимности российской государственности, её достижений и смысловых оснований, подрыв общественного доверия к власти, разрушение консолидирующих основ общества и коллективной идентичности.

Изучение когнитивно-ментальных интервенций имеет большое практическое значение, так как должно стать основой формирования государственной стратегии когнитивной безопасности, разработки гуманитарных и технологических методов профилактики и защиты, формирования социального иммунитета, устойчивого к манипуляциям и внешним дестабилизирующим действиям.

Вместе с тем, анализ научных исследований и экспертных источников по темам информационных войн, гибридных войн, когнитивных войн убедительно показывают, что проблематика когнитивно-ментальных интервенций редко становится предметом специального анализа и отдельных научных публикаций.

Данная статья направлена на восполнение этого пробела и стимулирование научного осмысления практики применения инструментов когнитивно-ментальных интервенций. Основные результаты исследования были озвучены автором в докладах на III Международной научно-практической конференции «Цифровые международные отношения» (ноябрь 2024, Москва, Дипломатическая академия МИД РФ), на международной научно-практической конференции «Тарлевские чтения. К новой архитектуре многополярного мира» (июнь 2025, Москва, Дипломатическая академия МИД РФ).

Материалы и методы исследования

В процессе исследования были рассмотрены работы российских авторов в области когнитивных войн и смежных проблем, в частности, работы

Андроновой Н.Э. (1), Бартоша А.А. (4), Джуры Г.С. (7), Емельянова С.В. (14), Карповича О.Г. (9), Кефели И.Ф. (11), Курочкина А.В. (14), Медушевского А.Н. (15; 16), Почепцова Г.Г. (18), Сутырина В.В. (21), Тагильцевой Ю.Р. (12) и др. Проанализированы авторские разработки и материалы, представленные в диссертациях Артамонова Д.С. (2), Биндаса Д.В. (5), Зарипова Р.И. (8), Кафтана В. В. (10), Петрякова К.С. (17), Приходько М.В. (19). Систематизированы и критически осмыслены практики применения когнитивно-ментальных интервенций против России: случаи переписывания истории и подмены понятий, целенаправленной русофобии и «культуры отмены», «социального буллинга» русских, использования мемов и цифрового юмора, практики создания когнитивного диссонанса, влияния через образование и медиа.

В ходе исследования применялись методы анализа, сравнения, общения гипотез, представленных в разных источниках научной информации. Были использованы структурный подход (для выявления схем когнитивно-ментальных интервенций), институциональный анализ (для изучения роли масс медиа, социальных сетей, государственных органов, НКО в когнитивных операциях), сетевой подход (для анализа связи между агентами и распространителями). При работе с открытыми источниками данных использовался OSINT-метод для выявления и анализа практик когнитивных атак.

Результаты исследования

Сущность когнитивно-ментальных интервенций

Понятие когнитивно-ментальные интервенции (далее – КМИ) относительно недавно стало предметом научного анализа именно в такой формулировке термина. Ранее в практике гибридных войн чаще использовались понятия «когнитивная операция» и «когнитивная атака». Интервенции такого типа направлены на изменение или разрушение когнитивной сферы (связанной с восприятием, мышлением, знанием) и ментальной сферы (связанной со структурами сознания и памяти).

В когнитивной науке КМИ интервенции рассматриваются в купе с понятием «ментальная репрезентация» и считается, что именно они

являются объектами внешнего воздействия. Обобщение разных подходов к определению ментальных репрезентаций (детально представленных в работе Прохорова А.О. (20)) позволяет выделить концептуальное. Ментальные репрезентации являются упорядоченным комплексом знаний, схем, прототипов, фреймов, некой формой субъективного видения и интерпретации происходящего, психической реальностью, которая иницируется «извне», но зарождается и обеспечивается «внутри» субъекта. Именно ментальные репрезентации являются объектом воздействия КМИ.

Кроме того, объектом воздействия являются когнитивные матрицы, суть которых раскрывается в исследованиях по когнитивной лингвистике и через когнитивные решетки Дж. Келли. В контексте нашей проблематики когнитивные матрицы следует рассматривать как сетевую, многослойную структуру знаний и мышления (взаимосвязанных понятий, контекстов и когнитивных доменов). Анализ когнитивных матрицы позволяет понять, как человек и целые общества структурируют и организуют своё понимание мира. Когнитивная матрица организована по сетевому принципу, то есть понятия и знания связаны между собой не по уровню подчинённости, а по логике ассоциаций, функций, контекста. Это делает когнитивную матрицу гибкой и адаптивной. Она отражает живую структуру мышления, в которой одни и те же знания могут использоваться в разных контекстах и сценариях. При этом существует когнитивное ядро, предопределяющее мышление и поведение в большинстве ситуаций. Слои когнитивной матрицы включают эмоциональные, ценностные, логические, метафорические и прагматические компоненты. Более поверхностные слои активируются автоматически, а более глубокие требуют усилий и рефлексии (например, коллективное бессознательное). КМИ направлены на разрушение системы когнитивного структурирования, когнитивного ядра, логики и содержания глубинных слоев когнитивных матриц.

С этих позиций задачи КМИ заключаются в целенаправленном переформатировании (или разрушении) ментальных репрезентаций и когнитивных матриц путем внедрения новых смыслов, искажённых исторических фреймов, определенных знаний и интерпретаций, ценностных, символических и идеологических ориентиров. В итоге КМИ ведут к изменению поведенческих моделей, идентичности, эмоционального отношения к государству и обществу.

Актуализация тематики КМИ произошла на фоне развития проблематики когнитивных войн и тесно связана с трактовками их целей и задач. С определённой долей условности можно выделить несколько подходов в понимании целей и средств самой когнитивной войны. Прагматико-военный подход характерен для США (в некоторой степени и для Великобритании), которые рассматривают когнитивную войну как инструмент прямого стратегического воздействия с целью поражения противника. Политико-экспансионистский подход в понимании когнитивных войн свойственен странам Западной Европы, рассматривающим такой тип войн как инструмент экспансии и контроля над общественно-политической сферой других стран. Россия рассматривает когнитивные войны на уровне культуры, ценностей, идентичности и ее подход можно назвать цивилизационно-идеологическим. Интересен подход Беларуси, который трактует когнитивные войны как угрозу, прежде всего, национальной памяти и солидарности. Такой подход можно назвать национально-патриотическим. С этих позиций в разных странах отрабатываются разные подходы к профилактике когнитивно-ментальных угроз и противодействию им.

Последствия когнитивно-ментальных интервенций проявляются в психологической, идеологической, культурной, политической и военной сферах.

Среди психологических последствий отметим деформации мышления, снижение способности к анализу, запоминанию, синтезу. Снижается критическое мышление или наоборот повышается и возникает крайняя подозрительность и конспирологичность. Теряется доверие к официальной информации и науке. КМИ способны спровоцировать рост тревожности и дезориентации, навязать «кризисное мышление» (экзистенциальные тревоги, страх будущего, ожидание роста глобальной нестабильности). Под влиянием КМИ (через дипфейки, фейки, манипуляции) формируются ложные модели реальности.

Идеологические последствия КМИ выражаются в утрате национальной идентичности, подмене, исторической памяти, снижении роли традиционных символов (язык, флаг, гимн могут восприниматься как «устаревшие»). Следствием КМИ может быть ценностный релятивизм, при котором долгосрочные смыслы заменяются краткосрочными выгодами и развлечениями, внедряется нарратив «у всех своя правда» и «правда

относительна». Часть общества перестает руководствоваться чувством долга, патриотизма, служения.

Социально-культурные последствия проявляются в потере культурной самобытности, стандартизации потребностей, образа жизни, вкусов, форм досуга, подмене собственной культуры чужой (представленной как универсальная культура) и экспортным креативом (Netflix, западный TikTok). Меняются традиции, свои традиционные праздники вытесняются чужими. Часто ухудшается образование, так как институты образования и воспитания используются субъектами КМИ. Упрощение образования с целью его большей «практикоориентированности» приводит к потере эрудиционного потенциала выпускников школ и вузов, снижению способностей к логическим рассуждениям и аргументации.

В политической сфере КМИ способны делегитимизировать власть, разрушить доверие к государству, политикам, общественным институтам, официальным СМИ через кампании дискредитации (коррупция, некомпетентность, «тирания», «несоблюдение прав» и пр.). В итоге возможен раскол общества и общественно-политические дестабилизации.

С точки зрения военно-стратегических последствий КМИ опасны для утраты образа врага или угрожающей среды, для формирования ложного чувства безопасности в условиях реальных угроз, создания паники, деморализации и демотивации военной службы, подрыва мобилизационной способности, разделения общества перед военными действиями.

Россия как объект когнитивно-ментальных интервенций

Обобщение практики использования КМИ как инструментов противодействия России позволяет выделить ряд целей КМИ на современном этапе: ослабление традиционной культурной и общегражданской идентичности россиян, вмешательство в интериоризацию концепта «Россия – государство-цивилизация»; внедрение альтернативных нарративов и западных моделей (в т.ч. «глобального гражданства», «универсальных ценностей» и др.), либерального индивидуализма; формирование экзистенциальной тревоги, сомнений в правильности внутренней и внешней политики России, разрушение доверия к государственным институтам; раскол между странами-союзниками, подрыв интеграционных проектов (СНГ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС+).

КМИ интервенции используются и для манипуляций общественным мнением и переструктурирования общественного сознания в кризисных ситуациях (например, в условиях СВО (6)).

Наиболее доступными для наблюдения являются примеры переписывания истории и подмены понятий, «открытие» якобы неизвестных страниц истории и приравнение СССР к нацистской Германии в международных резолюциях (например, резолюция Европарламента), тезис о «двойной оккупации» Восточной Европы СССР и Третьим рейхом, реабилитация коллаборационистов, «обнуление» роли СССР в победе над нацизмом и продвижение альтернативных версий истории (например, «США выиграли Вторую мировую войну»). В КМИ активно используются цифровой юмор и меметизация образов политического руководства, армии, символов Победы с целью вызвать ироничное, презрительное или уничижительное восприятие. Подобные инструменты формирования новой памяти - медиапамяти хорошо изучены Артамоновым Д.С. (2).

Ряд глобальных и страновых медиа ресурсов представляют Россию как «агрессора», «колониальную державу» и внедряют такие оценки, как «токсичная культура», «русский фашизм», «пропагандистское государство». В отношениях со славянскими и православными народами продвигается концепт «мы не братья» с акцентом на культурной и ментальной различности. Мы видим большое количество примеров давления на русских за границей (особенно в странах Прибалтики и на Украине) как носителей «враждебной идентичности». Известны практики целенаправленной русофобии и «культура отмены», выражающиеся в блокировке российских культурных, спортивных, образовательных инициатив на международной арене, отмена гастролей российских артистов, запрет на участие спортсменов в международных соревнованиях, изъятие русской классики из учебных программ, запрет на использование русского языка в деловой и бытовой коммуникации. В итоге, социальный буллинг, моральное давление, социальная изоляция являются примерами скрытых КМИ, направленных на уничтожение субъектности русского человека и его самосознания.

КМИ направлены и на создание когнитивного диссонанса путем сравнения жизни в России и «цивилизованном мире» с акцентом на «отсталость», «изоляция», «репрессии», продвижение нарратива обманывающего государства. Это провоцирует отчуждение граждан от государства

(«государство - не мы»), акцент на бытовых трудностях, ценах, миграции как на следствии «неправильного пути страны».

Когнитивно-ментальные интервенции – это не только инструменты борьбы за умы и идентичности в настоящем. Это инструменты борьбы за модели будущего. Чтобы сохранить свою субъектность и не проиграть эту борьбу следует проводить проактивную гуманитарную политику. Внутри страны - воспитывать когнитивно устойчивые поколения, повышать медиаграмотность и создавать условия для развития социального иммунитета. Идеи о социальном иммунитете высказывались нами ранее (3; 13). На внешнем контуре важно предлагать позитивные нарративы развития, защищать историческую правду, модель справедливой многополярности и удерживать союзников в общем цивилизационном поле.

Выводы

КМИ являются осознанным вмешательством в сознание людей и в общественное сознание с целью изменения их мировоззрения и поведения. Как попытки трансформации сознания общества, групп, личности, КМИ направлены на изменение, прежде всего, когнитивных матриц и ментальных репрезентаций обществ, групп, личностей. Сущность КМИ заключается в воздействии на ценностно-смысловую сферу, деформация идентичности, исторического сознания и культурных ориентиров.

Использование КМИ в отношении России направлено на подрыв культурной, исторической и политической идентичности российского общества. КМИ реализуются как через прямое идеологическое давление (переписывание истории, стигматизация идентичности, медийная русофобия, акцентуация бытовых проблем), так и через более тонкие механизмы - иронизацию, мемемизацию, вовлечение в совместную деятельность, навязывание чувства вины за историческое прошлое, апелляции к «цивилизационному превосходству Запада» и др. Их цель - разрушение когнитивного и эмоционального доверия к собственной социокультурной и политической модели, создание социально-психологической атмосферы недоверия, неопределённости, тревожности и отчуждения, что может привести к снижению уровня гражданской солидарности, подрыву национальной субъектности и утрате стратегического единства российского общества.

Когнитивно-ментальные интервенции - не теоретическая угроза, а реальный фронт противоборства в современном мире. Их глубокое понимание, изучение механизмов и целей позволит выстроить эффективную систему противодействия и сохранить культурно-историческую целостность России.

Список источников

1. Андропова Н.Э. (2024), Когнитивная война коллективного Запада с государствами Центральной Азии: через призму конфронтации с Россией [Cognitive War of the Collective West with the Countries of Central Asia: Through the Prism of Confrontation with Russia]. М.: Издательско-торговая корпорация Дашков и К, 2024. 374 с.
2. Артамонов Д.С. (2020), Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества [Media Memory in the Communication Space of Digital Society]: диссертация ... доктора философских наук. Саратов, 2023. 356 с.
3. Бальбек Р.И., Комлева В.В. (2020), Политическая стабильность: Республика Крым [Political Stability: Republic of Crimea]: монография. М.: ФЛИНТА. 208 с.
4. Бартош А.А. (2023), Когнитивная война как третье операционное измерение современных военных конфликтов [Cognitive War as the Third Operational Dimension of Modern Military Conflicts]. Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии. Том 4. 2-е издание. Москва: Изд-во НИЦ «Национальная безопасность». С. 102-113.
5. Биндас Д.В. (2023), Философская парадигма информационной войны и обеспечения медиабезопасности [Philosophical Paradigm of Information Warfare and Media Security Provision]: диссертация ... кандидата философских наук. М. 186 с.
6. Головченко А.В., Казакова Н.В. (2024), Когнитивная война Запада и России в условиях СВО [Cognitive War of the West and Russia in the Context of the SMO]. Молодежная политическая наука в Саратове: Ежегодный сборник научных статей по проблемам политической теории и практики студентов, магистрантов и аспирантов

- саратовских вузов. Саратов: Издательство «Саратовский источник». С. 51-55.
7. Джура Г.С. (2023), Когнитивная война. Аспекты информационно-психологического противодействия [Cognitive War. Aspects of Information and Psychological Counteraction]. Пермь: Типография ООО «Ризо-Эксперт», 56 с.
 8. Зарипов Р.И. (2025), Коммуникативная матрица информационно-психологического воздействия [Communicative Matrix of Information and Psychological Impact]: диссертация ... доктора филологических наук. Москва. 685 с.
 9. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. (2024), Когнитивные войны в контексте стратегических коммуникации [Cognitive Wars in the Context of Strategic Communications]. М.: Дипломатическая академия МИД России. 268 с.
 10. Кафтан В.В. (2020), Социогуманитарные технологии современной информационной войны: специфика, тенденции развития и направления оптимизации [Socio-Humanitarian Technologies of Modern Information Warfare: Specifics, Development Trends, and Optimization Directions]: диссертация ... кандидата философских наук. 185 с.
 11. Кефели И.Ф. (2023), Глава 8. Технологии обеспечения когнитивной безопасности contra когнитивных рисков и войн [Chapter 8. Technologies for Ensuring Cognitive Security contra Cognitive Risks and Wars]. Модели цифровой опасности в кибернетическом и когнитивном пространствах: Коллективная монография. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет. С. 152-161.
 12. Когнитивные интернет-технологии трансформации социального поведения: риски и профилактика [Cognitive Internet Technologies for Transforming Social Behavior: Risks and Prevention] (2022): Ю. Р. Тагильцева, М. Р. Бабикова, А. С. Ваторопин [и др.]. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет. 172 с.
 13. Комлева В.В. (2019), Развитие социального иммунитета как задача внутренней политики и условие обеспечения

- общественно-пошляческой стабильности [Development of Social Immunity as a Task of Domestic Policy and a Condition for Ensuring Socio-Political Stability]. Внутренняя политика: проблемы и технологии управления: (по материалам конференций и семинаров), Москва, 01–30 апреля 2019 года. Выпуск 2. М.: Издательский дом «Научная библиотека». С. 19-30.
14. Курочкин А. В., Емельянов С.В. (2024), Когнитивные войны в условиях цифровой трансформации общества и государства. Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК [Cognitive Wars in the Context of Digital Transformation of Society and State. Political Expertise: POLITEX]. СПб.: Изд во СПбГУ. Т. 20. № 2. С. 328–338.
 15. Медушевский А. Н. (2023), Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 1 [Cognitive War: Social Control, Consciousness Management, and Instrument of Global Dominance. Part 1]. Вопросы теоретической экономики. М.: ФГБУН Институт экономики РАН. № 2. С. 85–98.
 16. Медушевский А. Н. (2023), Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 2 [Cognitive War: Social Control, Consciousness Management, and Instrument of Global Dominance. Part 2]. Вопросы теоретической экономики. М.: ФГБУН Институт экономики РАН. № 3. С. 92–107.
 17. Петряков К.С. (2024), Симулякры в массовом сознании как средство информационной войны [Simulacra in Mass Consciousness as a Means of Information Warfare]: автореферат диссертации ... кандидата философских наук. М., 24 с.
 18. Почепцов Г. Г. (2019), Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях [Cognitive Wars in Social Media, Mass Culture, and Mass Communications]. М.: Фолио (изд-во ОМКО). 314 с.
 19. Приходько М.В. (2023), Информационная война как когнитивно-дискурсивный феномен (в контексте репрезентации «торговой войны» в СМИ КНР и США) [Information War as a Cognitive-Discursive Phenomenon (in the Context of Representation of «Trade

- War» in the Media of China and the USA]): диссертация ... кандидата филологических наук. 252 с.
20. Прохоров А.О. (2021), Ментальные репрезентации психических состояний [Mental Representations of Psychic States]. М.: Изд-во «Институт психологии РАН». 186 с.
 21. Сутырин В.В. (2023), Человек в центре геополитического соперничества. Подавление “мягкой силы” в США, Китае и Евросоюзе [Man at the Center of Geopolitical Rivalry. Suppression of “Soft Power” in the USA, China, and the European Union]. М.: МГИМО МИД РФ. 34 с.

References

1. Andronova, N.E. (2024), Cognitive War of the Collective West with the Countries of Central Asia: Through the Prism of Confrontation with Russia. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya Dashkov i Ko. 374 p. (In Russian)
2. Artamonov, D.S. (2020), Media Memory in the Communication Space of Digital Society: Doctoral dissertation in Philosophy. Saratov. 356 p. (In Russian)
3. Balbek, R.I., Komleva, V.V. (2020), Political Stability: Republic of Crimea: Monograph. Moscow: FLINTA. 208 p. (In Russian)
4. Bartosh, A.A. (2023), Cognitive War as the Third Operational Dimension of Modern Military Conflicts. Scientific Works of Scholars of Section 1 – Section of General Problems of War, Peace, and Army. Vol. 4. 2nd ed. Moscow: Izd-vo NITs “Natsionalnaya Bezopasnost”. pp. 102-113. (In Russian)
5. Bindas, D.V. (2023), Philosophical Paradigm of Information Warfare and Media Security Provision: Doctoral dissertation in Philosophy. Moscow. 186 p. (In Russian)
6. Golovchenko, A.V., Kazakova, N.V. (2024), Cognitive War of the West and Russia in the Context of the SMO. Youth Political Science in Saratov: Annual Collection of Scientific Articles on Problems of Political Theory and Practice by Students, Master's Students, and Postgraduates of Saratov Universities. Saratov: Izd-vo: “Saratovskiy Istochnik”. pp. 51-55. (In Russian)

7. Dzhura, G.S. (2023), Cognitive War. Aspects of Information and Psychological Counteraction. Perm: ООО "Rizo-Expert". 56 p. (In Russian)
8. Zaripov, R.I. (2025), Communicative Matrix of Information and Psychological Impact: Doctoral dissertation in Philology. Moscow. 685 p. (In Russian)
9. Karpovich, O.G., Shangaraev, R.N. (2024), Cognitive Wars in the Context of Strategic Communications. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 268 p. (In Russian)
10. Kaftan, V.V. (2020), Socio-Humanitarian Technologies of Modern Information Warfare: Specifics, Development Trends, and Optimization Directions: Doctoral dissertation in Philosophy. 185 pp. (In Russian)
11. Kefeli, I.F. (2023), Chapter 8. Technologies for Ensuring Cognitive Security contra Cognitive Risks and Wars. Models of Digital Danger in Cybernetic and Cognitive Spaces: Collective Monograph. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics. pp. 152-161. (In Russian)
12. Cognitive Internet Technologies for Transforming Social Behavior: Risks and Prevention (2022): Tagiltseva, Y.R., Babikova, M.R., Vatoropin, A.S., et al. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 172 p. (In Russian)
13. Komleva, V.V. (2019), Development of Social Immunity as a Task of Domestic Policy and a Condition for Ensuring Socio-Political Stability. Domestic Policy: Problems and Management Technologies: (Based on Conference and Seminar Materials), Moscow, April 1-30, 2019. Issue 2. Moscow: Izdatelskiy dom "Nauchnaya Biblioteka". pp. 19-30. (In Russian)
14. Kurochkin, A.V., Yemelyanov, S.V. (2024), Cognitive Wars in the Context of Digital Transformation of Society and State. Political Expertise: POLITEX. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. Vol. 20. No. 2. pp. 328–338. (In Russian)
15. Medushevsky, A.N. (2023), Cognitive War: Social Control, Consciousness Management, and Instrument of Global Dominance. Part 1. Issues of Theoretical Economics. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. No. 2. pp. 85–98. (In Russian)

16. Medushevsky, A.N. (2023), Cognitive War: Social Control, Consciousness Management, and Instrument of Global Dominance. Part 2. Issues of Theoretical Economics. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. No. 3. pp. 92–107. (In Russian)
17. Petryakov, K.S. (2024), Simulacra in Mass Consciousness as a Means of Information Warfare: Abstract of the doctoral dissertation in Philosophy. Moscow. 24 p. (In Russian)
18. Pocheptsov, G.G. (2019), Cognitive Wars in Social Media, Mass Culture, and Mass Communications. Moscow: Folio (izd-vo OMIKO). 314 p. (In Russian)
19. Prikhodko, M.V. (2023), Information War as a Cognitive-Discursive Phenomenon (in the Context of Representation of “Trade War” in the Media of China and the USA): Doctoral dissertation in Philology. 252 p. (In Russian)
20. Prokhorov, A.O. (2021), Mental Representations of Psychic States. Moscow: Izd-vo “Institute Psychologii RAN”. 186 p. (In Russian)
21. Sutyryn, V.V. (2023), Man at the Center of Geopolitical Rivalry. Suppression of “Soft Power” in the USA, China, and the European Union. Moscow: MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 34 p. (In Russian)

Информация об авторе

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций, директор Центра международных стратегических исследований Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация. E-mail: komleva@nicrus.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 27.05.2025. Одобрена после рецензирования: 11.06.2025. Принята к публикации: 16.06.2025. Опубликовано: 30.06.2025.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the author

Valentina V. KOMLEVA, DSc (Soc.), professor, Deputy Director for scientific work, National Research Institute for Communication Development, Director of Center for International Strategic Research of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”, Moscow, Russian Federation. E-mail: komleva@nicrus.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

Article info

Submitted: 27.05.2025. Approved after peer review: 11.06.2025. Accepted for publication: 16.06.2025. Published: 30.06.2025.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.